

Константин Фрес

Останься со мной

«Литнет»

2020

Фрес К.

Останься со мной / К. Фрес — «Литнет», 2020

Он - взрослый, успешный, циничный, многоопытный. В его мире не существует любви, он не верит в искренность и не желает отношений. Он - Акула, хладнокровный хищник. Она - взбалмошная студентка, капризная и избалованная. Впереди ее ждет блестящее будущее, учеба в престижном ВУЗе, жених-олигарх и весь мир. Казалось бы, что может быть общего между этими двумя такими разными людьми? Только то, что она послана ему как наказание за все прегрешения. ВАЖНО!!! В книге доминирует сюжет. Про Лося, брата. Предыстория

© Фрес К., 2020

© Литнет, 2020

Содержание

Глава 1. Лассе	5
Глава 2. Акула	10
Глава 3. Лера	17
Глава 4. Укус Акулы	26
Глава 5. Выбор	31
Глава 6. Ночь	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Глава 1. Лассе

— Лассе Янович, ваш заказ прибыл.

Мужчина поморщился, словно у него болели зубы.

Русифицированная версия его имени отчего-то каждый раз царапала его слух, раздражала, он не смог привыкнуть к ней даже за пару лет.

К тому же, секретарь каждый раз произносила его имя с заметным чувственным придыханием, — Ла-ассе, — глубоким, низким, бархатным голосом, настолько чарующим, что и сирены, соблазняющие аргонавтов, позавидовали бы.

«Ла-ассе», — шептала она, соблазнительно раскрывая рот с кроваво-красными губами, и более-менее живое воображение без труда рисовало ее, извивающуюся, словно змея, на столе, коварно подбирающуюся поближе к боссу.

Но тот оставался холоден ко всем ее ухищрениям, и одного его взгляда — острого, обжигающе-холодного, свирепого, — хватало на то, чтоб унять фривольные мечты в душе девушки-секретаря.

Пожалуй, он способен был бы рассеянно воткнуть карандаш в бессовестно раскрытый рот, всем своим видом показывая, что прелести чаровницы имеют для его значения не больше, чем вот этот серенький пластиковый стаканчик для офисной канцелярии.

А после — нарочно не заметить слез смущения и стыда, прикинувшись непонимающим.

Жестоко и бездушно, да. Но зато все сразу понимали, чего от него можно ожидать.

Большого унижения и вообразить себе было невозможно.

А злые языки поговаривали, что красавчик Лассе — высокий, черноволосый, с пронзительным взглядом светлых серых глаз, острый, внимательный, хищный, опасный до дрожи в коленках, до обморока, — однажды сделал нечто подобное, и потому девиц, желающих подкатить к нему, становилось все меньше.

Об его ледяной взгляд обжигались многие.

Лассе был привлекателен и интересен, но даже не своей красотой, которую вскоре после его прихода на фирму оценили и обсудили все сотрудницы, а своей отстраненной, свирепой холодностью и пренебрежением по отношению к женщинам.

Этакий непокоренный бастион — все знали, что, несмотря на приближающийся сорокалетний рубеж, Лассе не был женат, и постоянной подруги у него не было.

Злой насмешник, ироничный и высокомерный, он иногда вспыхивал любопытством к той или иной девушке, но тут же угасал, глядя, как девушка бесхитростно кокетничает в ответ.

— Благодарю, София Павловна, — холодно и сухо отвечает он, склонившись к документам и делая вид, что занят.

Сейчас слушать восторженный щебет секретаря и ловить на себе ее влюбленные взгляды ему не хотелось совершенно, а девушка уже была готова к тому, чтоб растечься сладкой лужицей, млея от умиления.

Его заказ — не бизнес-ланч, не подарок для бизнес-партнеров и не и не какая-нибудь волнующая воображение мелочь для свидания вроде бутылки дорогого вина и цветов. Нет.

Огромный плюшевый белый медведь с красным бантом на шее.

Мягкий и славный, упакованный в прозрачную блестящую пленку и увешанный розовыми бантами, свернутыми из нарядных упаковочных завязок, сидел он теперь в кресле для посетителей, задумчиво склонив умильную морду с блестящими хитрыми глазками, расставив в разные стороны лапы с розовыми толстыми пятками.

Таких медведей дарят юным девушкам, желая выказать свое трепетное отношение.

Ты сама еще словно ребенок, как бы говорит подарок. Счастливица должна заливаться румянцем и кидаться на шею, умиляясь и восторгаясь одновременно.

Но нет.

Все прекрасно знали, что медведей всех возможных расцветок и размеров Лассе скупает для своей племянницы, маленькой дочери брата, Мишель. И от того, с каким тщанием Лассе выбирает игрушки и уточняет тысячу раз, не повредит ли подарок ребенку, сотрудницы млели еще больше.

Наверное, это было очень трогательно и по-своему беззащитно и так по-человечески уязвимо, когда хладнокровный хищник Лассе — Акула, как назвал его кто-то когда-то, но кличка прилипла намертво и прижилась, — заботливо и обеспокоенно переспрашивал о том, не будет ли у малышки аллергии на мех, и не красятся ли бантики и рюшечки.

Только в эти моменты, которые секретарь тайком подсматривала, в Акуле было видно живое человеческое чувство.

Он позволял себе расслабиться, выбраться из непроницаемой ледяной скорлупы и побыть нерешительным, растерянным, колеблясь в выборе.

Он волновался, несколько раз переспрашивая о достоинствах плюшевого красавца, размышляя, а понравится ли его подарок маленькой избалованной девчонке, и радовался, как маленький, увидев игрушку в своей приемной.

Вечером он уходил с работы, зажав подмышкой подарок, и на лице его была мягкая, трогательная улыбка.

Видно было, что к девочке — Мишель — он относится с особым трепетом, рассматривая в ней тень того, что у него самого в жизни не сбылось — семья, дети.

Он тянулся к этому, искренне желал, но отчего-то не отваживался построить.

Может, прислушиваясь к своему сердцу, слышал лишь мертвенное холодное равнодушие, и не хотел себя связывать прочными узами с безразличной ему женщиной, кто знает.

Секретарь тайком вздохнула, поправляя очки в красивой модной оправе, бросила на босса еще один призывный взгляд, и вышла, томно покачивая бедрами, обтянутыми слишком узкой юбкой.

Впрочем, он оставил безо всякого внимания ее игривую походку милой кошечки и даже не поднял головы от бумаг.

У Лося дома было шумно, маленькая Мишель где-то в комнатах верещала, словно ее пятки щекотали десятки пальцев.

Лассе, раздеваясь и оставляя легкую куртку в прихожей, прислушивался к детскому веселому визгу с улыбкой.

От этой проказницы можно было ожидать чего угодно, но, скорее всего, на данный момент эта маленькая мошенница развлекалась тем, что с ветерком каталась по рабочему кабинету верхом на отце, оседлав его плечи и колотя в восторге пятками, понукая импровизированную лошадку.

— О, еще один медведь, — подытожила Анька, встречая гостя и рассматривая очередной подарок для дочери. — Рекордного выловил, матерого. Вот женишься, родишь пацанов — и я весь твой дом акулами завалю, огромными, скользкими и резиновыми. Будут в бассейне плавать.

— Нет, это не для меня, — шуря светлые глаза, снисходительно ответил Лассе, посмеиваясь.

Порой ему самому было смешно, когда родственники принимались примерять на него семейную жизнь с ее незамысловатыми радостями.

Семья брата казалась ему чем-то невероятным, сказочным, волшебным, тем ярким и нарядным праздничным миром, куда его пускали на недолго, всего лишь посмотреть и хоть немного отогреться. Но себя он в таком мире не видел.

— Тю! — насмешливо присвистнула Анька. — Не для тебя! А для кого? Ну, айда Лось племянников у Санты попросит. Нет, у этого... Йоллопуке! Сразу мешок тихих послушных болванчиков. На Рождество, как хороший мальчик, их получит.

— А он хороший мальчик? — посмеиваясь, потирая слегка озябшие ладони, ответил Лассе, и Анька снисходительно кивает.

— Настолько, что ему даже позволят быть первым в упряжке Санты, — ответила она. — Ну, проходи, теперь твоя очередь развлекать Мишку. Лось уже лежит пластом, а у нее, кажется, вечный двигатель. Надо б запатентовать.

Несмотря на все прошлые разногласия с братом и его женой Анькой, Лассе любил бывать у них дома.

Любил запах домашней еды — Анька оказалась отменным кулинаром, и своего любимого сохатого откармливала как на убой, — любил тепло и шумную детскую возню, от которой счастливые родители порядком уже устали.

Маленькая Мишель — когда наступали редкие минуты покоя, — обычно возилась со своими игрушками у камина, на порядком вытертой от чрезмерной любви медвежьей белой шкуре. В свете танцующих алых сполохов она или рассматривала яркие картинки в книжках, либо, сосредоточенно надув щеки и выпятив губу, тщательно рисовала усы гляцевым красавицам утащенной у отца авторучкой.

Она и сейчас возилась у камина, разбросав игрушки, вереща и вопя во все горло, борясь и явно побеждая... кого?

Лассе даже встал на пороге, слегка озадаченный, потому что на медвежьей шкуре боролись и верещали два ребенка, а подарок у него был только один.

— Племяшка моя, двоюродная, — пояснила Анька, пробегая мимо остолбеневшего Лассе. — Из приличной семьи девочка. Жених — сын олигарха, да-да-да. Поступать будет в этом году. Ну, чего встал? Проходи, знакомься...

Лассе машинально сделал несколько шагов, сжимая подарочного медведя.

Тот предательски зашуршал упаковкой и Мишель, уловив знакомый звук, сулящий ей сюрприз, оставила свою поверженную жертву и бросилась с криком к Лассе, протягивая ручонки к яркой игрушке.

— Мне, мне! — вопил этот чертенок в нарядном платьице и в беленьких носочках, подпрыгивая так, что банты в ее темных волосах потеряли всякий вид и уныло висели, готовые вот-вот соскользнуть с тонких косичек.

— Тебе, конечно, — ответил Лассе, чуть склонившись и вручая ей медведя — и снова перевел взгляд на девушку, напряженно замершую у камина, с подчеркнуто-ровной спиной и испуганно-настороженным взглядом.

Если б Анька не сказала, что девушка решила осенью поступать, Лассе подумал бы, что та собирается сделать карьеру модели.

По крайней мере, все данные для этого у нее были; взглядом знатока Лассе оценил красивые светло-русые волосы, умопомрачительно длинные ноги, обтянутые узкими джинсами, стройное хрупкое тело, чистую, очень теплого, приятного оттенка кожу, и бирюзовый взгляд невероятной силы.

Девчонка с характером, это было видно сразу, немного неуклюжая и угловатая, но это оттого, что рост ее тоже был модельный, и она наверняка комплексовала по этому поводу.

Дылдой, небось, дразнили в детстве?

Почему-то бросались в глаза ноготки на босых ногах, покрашенные ярко-вишневым лаком, насыщенные красные пятна. Как хулиганство; как вызов. Лак, не гармонирующий ни с чем в ее образе. Спрятанная от посторонних глаз изюминка.

Эти ножки легко представить танцующими на морском берегу, на белом песке, но никак не топающими по московской слякоти.

Лассе знал толк в женщинах; сколько их у него было?

Сотня, чуть больше? Но таких вот, юных, свежих и дерзких было, пожалуй, считанные единицы. Соблазнять таких просто — они сами готовы любить весь мир, еще не обломанные, не знакомые с суровой действительностью, — и чувства их сильнее всех.

Самые первые, самые горячие, словно только что из горнила. Ссоры, примирения — все с криками, с темпераментными трагедиями. Такие юные еще верят, что именно их история — самая уникальная и самая важная в этом мире.

Такие дарят себя неистово, и это действительно прекрасный дар.

Лассе даже хмыкнул, скрешивая руки на груди и опуская лицо, чтоб скрыть улыбку, полную смущения оттого, что это чистое существо с настороженным взглядом внезапно навесело на него столько воспоминаний и показалось ему очень привлекательным — а он, в свою очередь, понравился ей.

Это он понял по тому, как девушка заалела под его изучающим взглядом, как оправила оборки ультрамодной блузочки на девичьей груди — небольшой, аккуратной, приятной...

Наверняка эта грудь удобно ляжет в ладонь.

Лассе тряхнул головой, отводя от девушки взгляд, прогоняя недопустимые хищные мысли. Ну, в самом деле, девчонка хороша, но Анька правильно сделала, что сразу расставила все точки над *i*, сказав, кто эта девушка, и кто у нее жених.

По отношению к таким девушкам нельзя позволять даже тени тех мыслей, которые посетили голову Лассе только что.

Эта девушка с роскошным телом, с соблазнительными бедрами, с длинными ногами, которые Лассе был бы не прочь закинуть себе на плечи, по сути, была еще ребенком, и трогать ее — да и вообще относиться к ней как к хорошенькой женщине, — просто недопустимо.

Однако, у девчонки на то были свои взгляды.

Видимо, она недавно только осознала свою привлекательность и женственность; и хотела ими насладиться сполна, покуда олигарх-жених не запер ее в четырех стенах.

Девушка жаждала поклонников и восхищения, она хотела нравиться — это Лассе увидел в ее ярких глазах, — и ему, взрослому яркому мужчине, она хотела нравиться особенно, особенно после того, как он невольно выказал заинтересованность.

«А надо было аккуратнее пялиться на ее задницу», — весело подумал Лассе, усаживаясь за стол и наблюдая, как девчонка прихорашивается, откидывает волосы с гибкой белой шейки. Если вы, девушки, думаете, что эти штучки на мужчин не действуют, то нет. Действуют. Но вида вам никто не подаст, потому что не хочется признаваться, что растаял вот так, запросто.

Его место было прямо напротив юной прелестницы, и Лассе, прикусывая крепкими зубами кусочек хлеба, едва сдерживал смех, наблюдая незатейливые ухищрения девушки, которая то поправляла сережки в маленьких розовых ушках, то рассматривала в круглое зеркальце свои губки, подкрашенные розовой помадой.

— Здрас-сьте, — протянула она неприветливо, обращаясь к Лассе, когда Анька в очередной раз сделала страшные глаза и погрозила ей пальцем. — Лера!

Она произнесла свое имя — красивое, весеннее, нежное, — чуть нараспев, совершенно по-девчоночьи закатив глаза, всем своим видом показывая, что знакомиться и говорить с незнакомым мужчиной ее именно заставляют.

Она церемонно протянула ему через стол руку — худенькую, с совершенно хрупким, словно фарфоровым запястьем и такими же прозрачными, длинными пальцами с остренькими ногтями, — и Лассе, ухватив ее тонкую кисть, несколько раз энергично встряхнул ее, да так, что все тельце девушки ходуном заходило.

— Лассе, — сладеньким доброжелательным голосом произнес он, разжимая пальцы.

Девушка вспыхнула гневным румянцем; в ее руке, в яркой блестящей обертке, остался леденец, конфета, которую Лассе наверняка приберег для Мишель, чтобы отдать тайком от

матери. Теперь этот леденец, конфета для ребенка, лежала в руке, и Лассе, одним этим жестом указавший девушке ее место, чуть слышно посмеивался.

Глава 2. Акула

Девчонке совсем не понравилась выходка Лассе с леденцом. Совсем.

И, если честно, то Лассе ожидал, даже рассчитывал на то, что она подскочит с места, в слезах умчится прочь из-за стола.

Но он готов был пережить эту маленькую девчачью бурю, главное — чтобы девчонка перестала строить ему глазки.

Не железный же он, в самом деле. Зачем провоцировать? Вот Лось — брат Анри, — его понял. Видимо, девчонка и перед ним вертела задницей, пока Анька не отвесила ей по-родственному поджопник.

Лось посматривает умными глазами, хмыкает и почти незаметно возится на месте, готовый тотчас подскочить и бежать, сглаживать назревающий конфликт.

Наверное, не одобрил методов «воспитания», ведь не в его правилах обижать женщин, тем более — маленьких девчонок.

На месте Лассе он пустился бы в нудные, долгие уговоры и объяснения, рассказывая, почему симпатия недопустима, и довел бы дело до того, что девчонка втрескалась бы еще сильнее.

А Лассе — он же не Лось. Он Акула. Цап — и на сердце кровоточащая рана. Зато наверняка.

Но девица оказалась словно слеплена из другого теста.

Хихикнув, она развернула подаренный леденец и сунула его в рот, с видимым удовольствием облизывая карамельные разноцветные узоры, глядя Лассе в глаза.

Притом языком она действовала так откровенно и умело, что Лассе не нашел ничего умнее, как откинуться на спинку стула, в искреннем ступоре таращась на такое неприкрытое бесстыдство, выдыхая слишком шумно, чтобы можно было подумать, что он остался бесстрастным к ее выходке. Он, пожалуй, мог бы ожидать такого хладнокровия от взрослой, умной женщины, оскорбленной его невниманием, но никак не от юной девушки.

«Один-один, милая, — подумал он, чувствуя, как кровь быстрее бежит в жилах от вида розового язычка, поглаживающего конфету. — А ты та еще штучка!»

Но это был не последний сюрприз от прелестной нимфетки.

Обед был почти закончен, неугомонная Мишель наконец успокоилась и задремала на руках отца, и тот, негромко извинившись, встал из-за стола и пошел укладывать ее спать. Анька со скучающим видом собирала приборы — свои и Лосю, — и пообещала чаю и сладостей, но, кажется, ее обещания не заинтересовали неугомонную красотку.

— А это правда, — коварно поинтересовалась девчонка, с видимым удовольствием посаывая подаренную конфету, — что вас Акулой называли?

— Как себя ведешь, Лера, — машинально огрызнулась Анька. — Что за вопросы?!

— А что такого, — небрежно ответила та. — Прекрати меня воспитывать, я совершеннолетняя!

— Я тебе сейчас затыльников навешаю строго по количеству годков!

Брови Лассе удивленно взлетели вверх, он стрельнул глазами на ругающуюся Аньку.

Неужто проболталась?

Ведь это именно она дала ему эту кличку, в те самые времена, о которых он с таким тщанием старался забыть целых два года!

Два года он старался уйти ото всего, что связывало его с этой кличкой, остепениться и старался, чтобы его природная хищность проявлялась только в деле, не с девушками.

И вот снова!

Этот издевательский вопрос разбил в его душе всяческую надежду на то, что все забыто, все исправлено, что к старому возврата больше нет, и все прощено.

Он заслужил прощения, черт подери! Сколько можно смеяться?!

Он снова яростно глянул на Аньку, готовый надавать ей по заднице за ее предательство, на ее лице ему почудилась тающая улыбка.

«Это, по-твоему, смешно?! И зачем было посвящать девчонку в это?! Ты же обещала, что все снимки и записи уничтожены!» — с бессильной злобой подумал он, сжимая кулаки.

Но Анька не среагировала на его яростный взгляд, продолжая жевать кусочек печенья, недоеденного Мишель и собирать чашки, как ни в чем не бывало.

Щеки Акула запылали от стыда, тот страшный день — полный унижения и стыда, — снова отозвался издевательскими голосами и хохотом в его ушах, только на сей раз в него вплелся еще и голосок этой девчонки, Леры.

Она вместе со всеми, разделившими эту тайну, смеялась над ним, и Лассе едва не задохнулся, ощущая пекущую его сердце ярость.

«Ну, ты-то куда лезешь, — думал он, с таким остервенением разрезая ножом мясо на своей тарелке, что столовый прибор с неприятным скрежетом царапнул фарфор. — Думаешь, у тебя есть право потешаться надо мной?!»

— Так правда?

Глаза красотки сияли ярче драгоценных камней, она бесстыдно зубоскалила, водила конфетой по покрасневшимся влажным губам, и Акула понял, что она увидела его ярость. Почувствовала. Поняла, что зацепила, поддела.

— Правда, — как можно небрежнее ответил он, аккуратно промокая губы салфеткой, стараясь не выдать бушующей в его сердце ярости.

Лера смолчала; посасывая леденец, она проводила взглядом неспешную Аньку, утаскивающую целый поднос посуды, и только тогда поднялась из-за стола, все такая же вызывающе-дерзкая, раскованная и грациозная.

— Ну уж и Акула, — небрежно ответила она, стараясь уязвить посильнее, и пренебрежительным тоном, и обидными словами. — Скорее, рыба вялая...

Горячая кровь затопила его сознание. Он не помнил, как оказался на ногах, но четко ощутил себя прежним — хищником Акулой, который среагировал на запах самки как морской хищник реагирует на запах крови.

Пару шагов — и смеющаяся девчонка, до того кажущаяся так недостижимо-далекой, вдруг оказалась близко-близко, а ее манящие бедра, обтянутые джинсами — вот они, под ладонями.

И глаза — ставшие невероятно огромными, напуганными, непонимающими.

Леденец выпал из ее тонких, внезапно ослабевших пальцев, и раскололся об пол на несколько кусков, один из которых раскрошился под подошвой ботинка Лассе. Но никто не обратил на это внимания.

Он пришил ее к стене, словно бабочку булавкой к газете, навалился всем телом, сократив дистанцию до минимума.

Ему говорили, что он красив, да он и сам знал это; так что можно было позволить девчонке как следует рассмотреть его, взглянуть в его серые опасные глаза, почувствовать опасность от близости его чувственных, прихотливо изогнутых губ.

За что звали его Акулой? За то, что у выбранной им жертвы не было ни малейшего шанса спастись, что бы она там себе ни воображала.

Его взгляд гипнотизировал, и сейчас Лассе вспомнил эту свою ма-аленькую суперспособность, в один миг заставив девчонку замолчать и прекратить сопротивляться — да, вот так.

Даже когда его рука легла на ее грудь и по-хозяйски сжала ее, нащупывая сквозь тонкую ткань маленький сосок. Девушка не носила лифчика — какой приятный сюрприз!

От души сцапав красотку за возжеленную задницу, по-хозяйски откровенно поглаживая стройное девичье бедро, почти закинув одну ее ногу себе за спину, прижался к ней всем телом, возбужденным членом, оттягивающим брюки, к ее промежности, к грубым швам на одежде, там, где было теплее всего и влажно пахло женщиной.

Сейчас, когда они были так близко, что он чувствовал сладкий аромат карамели, исходящий от ее губ, на дне ее невероятно-бирюзовых глаз он видел настоящий испуг, почти панику, потому что она от него такого точно не ожидала.

Ее пальцы беспомощно царапали стену и заметно тряслись, но она даже не пискнула, загипнотизированная, словно кролик удавом, напуганная его напором и опасной хищностью до немоты.

Даже если бы он ее сейчас изнасиловал, она даже не пискнула бы, не посмела, все звуки застряли в ее подрагивающей горле, и Акула — о-о-о, он отлично припомнил, за что ему дали это жестокое имя! — снова ощутил прилив желания, до головокружения, находя ее невинную оторопь очень волнующей и возбуждающей.

Какая честная, настоящая покорность, и какая огромная власть... Вот так сразу — сда-лась? Вот так сразу — признала его победу?

«Думала, что находишься в безопасности? Ну, раз уж ты все обо мне знаешь, милая, то можно тебя посветить во все тонкости, не так ли?.. Посмотрим, захочется ли тебе смеяться потом...»

— Рыба вялая, — полушепотом, посмеиваясь, показывая острые зубы, произнес он, почти касаясь ее носика своим носом, втягивая ее аромат — каких-то еле уловимых, почти выветрившихся духов и запах чистой молодой кожи, — с видимым удовольствием. — Может, научишь меня, как быть Акулой, м-м-м? А то у меня, кажется, плохо получается. Не произвожу впечатления.

Он двигался мягко, гибко, еле уловимо, потираясь о нее возбужденным членом ровно в том месте, какое обычно у женщин такое влажное и горячее, имитируя те самые движения, на которые девчонка так навязчиво напрашивалась.

Но сейчас красивая чувственная ласка была превращена в фальшивку, в издевательство, и Акула с удовольствием наблюдал, как из черт девчонки исчезает все насмешливое и высокомерное.

Даже сквозь ткань джинсов ему чудился жар ее тайного местечка, которого касаться мог не каждый; нет-нет, Акула не думал, что красотка раздвигает ноги перед всеми.

И тем унизительнее и постыднее для нее должны были стать его действия, тем паче, что, кажется, она совсем не испытывала приятных чувств, только откровенный стыд, оттого что кто-то другой бесцеремонно распорядился ее телом, трогал самые интимные места, не спрашивая ее разрешения, и вел с ней себя так... так...

Она вдруг ощутила, что некоторые ситуации она не в силах контролировать, не исправить, и это была одна из таких ситуаций.

Ее напуганные глаза становились все больше и больше, и в них отражался уже не только испуг — отчаяние, понимание, что она влипла.

— Я же не мальчик, — снисходительно заметил Акула вполголоса, наблюдая, как ее бирюзовые глаза от стыда медленно наполняются слезами. — Ты привыкла к тому, что малолетние сосунки теряются от твоих колкостей? Злятся? Психуют от твоих провокаций? Привыкла чувствовать себя победительницей?

Акула грубо перехватил тонкие запястья, вздернул руки девушки у нее над головой и прижался к ее телу, прильнул особенно мягко, долго, томно, настолько откровенно и чувственно, будто они с девушкой были обнажены, будто их тела слились воедино, и он берет ее глубоко, очень глубоко.

Его пошлый намек не остался не понят, девушка оглушительно взвизгнула, и он тотчас отпрянул от нее, оставив у стены, потрепанную, потисканную, сжавшуюся стыдливо в комочек.

— Мой тебе совет, — хладнокровно произнес он, отступая к столу. Во рту его горело, словно он целовал эту девушку, упиваясь сладким вкусом ее леденцовых губ, и он готов был заесть этот непередаваемый, желанный вкус горчицей, лишь бы избавиться от него. — Не веди себя так со взрослыми мужчинами. И вообще не веди себя так. Я тебе дал понять, на что ты напрашиваешься. И если ты не изменишь своего поведения, однажды это произойдет по-настоящему. И не факт, что тебе это понравится. Как сейчас. Не понравилось же?

— Дурак! — со слезами в голосе выкрикнула девушка, зажимая рот руками, чтобы никто не услышал ее рыданий. — Идиотина!

Она, рыдая и вздрагивая всем своим тонким телом, рванула прочь, едва не сбив с ног входящую Аньку, и где-то в прихожей уже через миг застучали каблучки ее туфель.

— Ты чего тут устроил?!

В руках Аньки был поднос с чашками, яркий чайник, и только быстрая реакция Акулы уберегла парадный сервиз от уничтожения, когда руки Аньки дрогнули и едва не вывалили все содержимое подноса ей под ноги.

Он подхватил поднос и аккуратно поставил его на стол, неспешно налил себе чаю, еле удерживаясь от того, чтобы заглотить кипяток одним глотком и смыть карамельные ароматы со своего языка.

— Ты чего девчонке наговорил?! — свирепо рычала Анька, пока он неспешно помешивал чай ложечкой.

— Ты зачем ей рассказала? — произнес он вполголоса.

— Рассказала? О чем?!

Лассе кинул на нее взгляд через плечо, наконец-то пригубив возделенную жидкость, ощущая неимоверное облегчение.

Черт, а ведь он, кажется, завелся по-настоящему. Почувствовал вкус крови, как говорится. Приятную тяжесть и округлости девичьего тела в руках...

— О зеленке, — как можно небрежнее отозвался он. — О розовых трусах. Зачем? М-м-м?

Анька даже поперхнулась от злости и несправедливых обвинений.

— Совсем головой повредился?! — зашипела она, наступая на Лассе едва не с кулаками. — Как бы я это рассказала, умолчав о том, что мы с тобой... что... словом, что мы чпокались?! А?! Или ты думаешь, я всем рассказываю, как по очереди крутила с обоими братьями?! Такие вещи вообще не рассказывают юным девушкам!

Юная!

Это слово молнией промелькнуло в голове у Акулы, он едва не поперхнулся горячим чаем, закашлялся и был вынужден чашку поставить на стол.

Придурок!

Нашел с кем связываться! А девчонке сколько лет-то?!..

На свежатинку потянуло?!

— Ты чего ей наговорил, чего наговорил, паршивец?! — не унималась Анька.

— Скажем так: мы друг друга не поняли, — хладнокровно ответил Акула. — Не переживай, я все улажу. Я извинюсь.

Ай-ай... вот это позор, вот это натворил дел!

Акула не понимал, чего он испытывает больше, стыда за то, что сорвался на глупой, совсем ей зеленой девчонке, или приятного, до дрожи в руках волнующего возбуждения. Он крепче сжимал ладони на руле, чтобы унять эту дрожь, и в изумлении покачивал головой, стараясь разобраться в себе.

Вот почему — Акула.

Не Лось.

Лось — спокойный, неспешный и непробиваемый. Он подумает тысячу раз, прежде чем сделать, все взвесит и хладнокровно выверит.

А Акула не такой; сколько раз он проклинал свой неумный горячий темперамент, который каждый раз хищно нашептывал ему: напади! Укуси! Разорви!

Акуле не доставало терпения и хладнокровия, чтобы обдумать все трезво.

Вот и вышло... вышло так, что на девчонку он напал исключительно из своих соображений.

— Извини, милая, у Акул свои комплексы... — бормотал он себе под нос, аккуратно выворачивая руль. Пожалуй, это хорошо, что он в пути. Дорога научила его быть внимательным, как тогда, с раненной Анькой на заднем сидении, которую надо было довести, не вмазавшись в столб. Руль его успокаивал и дисциплинировал, в данной ситуации это было то, что надо. — И мно-о-ого скелетов в шкафу... очень много...

Да, надо признать — кличка из прошлого больно царапнула потайной уголок его души, куда были упрятаны постыдные воспоминания.

Разозлился, повелся на провокацию, как идиот... если б не тень подозрения, если б кличку озвучила за столом Анька, вот сию минуту, он и с места б не двинулся. Пусть бы девчонка хихикала и строила свои глазки дальше.

Или двинулся бы?..

Акула вспомнил приятную округлость бедра девушки, крепкую задницу под своей ладонью, когда вжимался в тело девушки, упиваясь ужасом и беспомощностью, вспыхнувшими в ее глазах.

От воспоминания о том, как их тела касались, разделенные только тонкой тканью одежды, неспешно скользили, потираясь друг о друга самыми чувствительными точками, у него снова начинали дрожать руки и контролировать дорогу становилось все труднее.

От досады Акула лишь мотнул головой, прогоняя бесстыдное и волнующее видение.

Да двинулся бы. Еще как.

Ведь не зря же он выбрал именно такое наказание.

— Среагировал на девчонку, вот что, — бормотал Акула, хмуря брови.

И это ему было обиднее всего.

Два года держался; два года старался не вспоминать о разгульном прошлом, о... о... о хищничестве, о свободных заплывах меж стаяк соблазнительных аппетитных рыбешек, и вот на тебе!

Какая-то девчонка одним взмахом ресниц разбудила в нем эту ипостась, дремлющую на мелководье акулу. И это злило больше всего.

— Не изменится хищник, никогда не изменится, — зло рычал Акула, выворачивая по кольцу. Движение в общем потоке, скорость — он только сейчас сообразил, что это своего рода имитация жизни в океане, а он сам словно плывет, выискивает, высматривает жертву.

Да, женщин в его жизни было много.

Зачем? Потому что хотелось.

О любви, да даже о влюбленности речи не шло.

Он просто выбирал жертву — красивую девушку, которую хотелось до дрожи, которую хотелось попробовать. Попробовать ее страсти, ее тела, ее жара, ее первого стеснительного стыда и заполучить ее красоту, хоть ненадолго, но сделать только своей, полный доступ, как VIP-персона.

Он не любил ни одну из них, это правда; но хотел до дрожи — и это тоже было правдой.

Хотел до помешательства, до полной отключки всех мыслей, и от этого сумасшедшего желания не видел ничего перед собой — только вожаемую цель.

Получив желаемое, быстро терял интерес, потому что ничего особенного в этих девушках не видел. Не было этого «особенного».

Но в этом и была прелесть охоты.

Получить желаемое. Добиться. Видеть восторг и обожание в обращенных к себе взглядах. Наслаждаться телом — каждый раз новым, — в своих руках.

А потом в его жизни появилась Анька, и наглядно растолковала, что то, что он считает ничего не значащим, может значить очень много для кого-то другого.

Для Лося вот она стала единственной.

Уникальной. И тогда Акула остановился, забился в свое мелководье, завидуя, потому что, как не верти, среди доброй сотни попробованных женщин для него этой единственной не было.

Словно Бог позабыл о нем и не создал подходящую. И Акула устыдился, оглядываясь назад и видя не рыбешек — оставленных и обманутых девушек. А сейчас...

— Ну, сладко же было? — спрашивал себя Акула, неспешно и отчасти вальяжно разворачиваясь. Скорость была невелика, но именно она — такая неспешная, такая размеренная, — позволяла ему почувствовать себя сытым хищником еще сильнее. Отгородившись от звуков большого города, Акула словно впал в транс и плыл по течению. — Сла-адко... Зачем было напоминать мне, как это сладко, а?..

Вот и разгадка, простая, как все гениальное, вот почему он так на девчонку среагировал: просто вспомнил, как это было сладко.

Как это непередаваемо сладко — вступать в любовную игру с новой девушкой, которая понравилась, которая зацепила чем-то, которая выделилась из толпы точеной фигуркой, хорошеньким личиком, глазками...

Это очень сладко — кружить вокруг нее, рассматривать, покусывать, заигрывая, возбуждая в ней интерес к себе, рождая восторг головокружение, опьянение чувствами до беспамятства. Сладко овладевать ею, потому что она влюблена, а влюбленная женщина отдается с желанием и со страстью.

И девчонка ему понравилась.

Да-да-да.

Как в старые добрые времена, он просто увидел в ней достойную цель. Среагировал — красота, свежесть и привлекательность девчонки была куда больше, чем искусственно возведенные запреты.

— Краси-и-ивая, — подытожил свои хищные мысли Акула, щуря серые холодные глаза.

Почти как эксклюзивная модель. Новая звезда на небосклоне.

— Но ты не бойся, — продолжал бормотать Акула, обращаясь к невидимой собеседнице, — я не тро-ону... Больше нет.

Сладко, да. Хочется ее, как хотелось тех, других — до дрожи. У этой девушки с таким юным, таким милым, таким чистым личиком тело богини. Никакой нездоровой худобы, и юношеской угловатости тоже уже нет. Ровные, плавные, очень женственные линии, округлые плечи, бедра, гибкая поясница, аппетитный живот. На такое среагирует любой нормальный мужик. Это нормально — видеть и реагировать. Да, поэтому он и сорвался — девушка реально секси. Увидь он ее на пляже — наверное, и вовсе потерял бы голову.

— Но ведь голова на месте, — бормотал он, рассматривая цветочный магазин, к которому подъезжал. — А значит, все под контролем. Все.

Покупая самый большой букет белых роз, Акула окончательно взял себя в руки и, глубоко вдохнув, попытался мыслить трезво.

Так, перед девчонкой он виноват. Сорвался. Мало того, что издевался, всучив этот леде-нец, так еще и прижал в углу слишком нескромно. Это нехорошо. За это он галантно извинится — подарит цветы, как взрослой женщине, а не малолетке, — и отчалит, вильнув хвостом. И никаких контактов больше.

Почему?

«Почему?» — задал он вопрос самому себе, забирая целую охапку цветов, слишком тяжелую, слишком огромную для тонких рук девушки, которой собирался их вручить.

«Да потому что Анька права, — хладнокровно ответил он сам себе на этот вопрос. — Потому, что это снова путь в никуда. В веселье, в случайные связи... И девчонка молода, слишком молода. Такую легко уболтать, обломать, соблазнить. Увлечется, влюбится. Будут слезы, будут скандалы, звонки, выяснения отношений. А она — она, скорее всего, предназначена, как обычно, не мне. Чужое «особенное». Чужая единственная и уникальная. Трахнуть девчонку, утолить жажду? Страсть на один раз? Нет; это мы это уже проходили».

Глава 3. Лера

Телефон и адрес Анька Акуле не дала, а вот место, где можно встретиться с Лерой — чинно, благородно, при свидетелях, — указала. Библиотека; Акула даже фыркнул насмешливо, припоминая, как давно он не был в библиотеке.

Однако, Лера готовилась стать студенткой в престижном ВУЗе... или уже стала — об этом Акула подумал отчасти почему-то с неприязнью, припомнив, что девочка вовсе не бедная несчастная овечка; и папа у нее шишка, раз Мишин родственник, и жених — сын олигарха... наверняка купили ей красную дорожку в этот самый ВУЗ. А для девчонки это всего лишь новая, современная игрушка. Некая функция, которой так круто похвастаться перед другими, престижная опция, которая есть только у избранных.

Акула же учился сам, без протекций, без помощи и без вливаний в виде подношений и взяток. Учился хорошо, с интересом, и, слава Богу, вовремя вспомнил об этом.

— Лера!

Хоть Акула и видел девушку всего раз в жизни, однако, он узнал ее издалека; по оттенку кожи ее лица, неясным пятном виднеющегося вдалеке, в тени; по бликам солнца, заигравших на сплетенных в косы волосах, когда девушка вынырнула из прохладного полумрака на свет; по мечтательной улыбке, играющей на ее нежных губах. Глядя на умиротворение, царящее в ее чертах, в ее ярком взгляде, в чуть трепещущих ресницах, Акула даже усомнился на миг, а стоит ли ее беспокоить, стоит ли снова напоминать о произошедшем. Девушка показалась ему не просто умиротворенной — она показалась ему счастливой. Стоило ли нарушать это умиротворение? Но он уже окликнул ее, и она обернулась; выражение безмятежного счастья уже сменилось в бирюзовых глазах настороженностью и мучительной стыдливостью, и Акула понял, что извиниться было все же верной идеей.

— Лера, — произнес он, поднимая с капота машины тяжелые цветы. Их стебли уже чуть нагрелись на солнце, но бутоны были все так же свежи. — Прошу — извините меня. Правда. Извините, дурака. Сорвался.

Девушка замедлила шаг и к нему подходила и совсем уж неспешно, нерешительно, готовая каждый миг сорваться и броситься бежать. Она поправляла на оголенном плечике ремешок сумки, тонкие ноздри ее маленького носика гневно подрагивали, и Акула, ослепительно улыбающийся под ее рассерженным взглядом, в этой долгой, затянувшейся паузе почувствовал, как его руки устали держать на весу тяжелый букет.

— Уже не леденец? — язвительно поинтересовалась она, и Акула чуть качнул головой, всем своим видом изображая раскаяние и серьезность.

— Нет, нет, — произнес он твердо. — Я был не прав. Конечно, с молодыми девушками так себя не ведут. Простите меня!

Лера сделала еще один шаг к нему, рассматривая великолепные цветы, дрожащие на ветру шелковые лепестки с каплями воды.

— А еще, — требовательно произнесла она, — еще за что просите прощения?

Она была близко; теперь — очень близко. Так близко, что Акула снова уловил запах ее духов, притащенный легким вздохом ветерка, и ему нестерпимо захотелось положить цветы обратно, выкинуть к черту тяжелый дорогой веник, и повторить ту же самую штуку, которую он провернул вчера. И еще хуже — сегодня Лера была не в джинсах, а в юбке, такая доступная и соблазнительная. Акула, изо всех сил стараясь удержать на своем лице спокойное, доброжелательное выражение, представил, как закинул бы ее ногу на себя, а сам бессовестно и нахально скользнул бы рукой в ее трусики, и погладил бы там, где так мокро, проник бы в ее лоно, даже если б она заверещала, и погладил бы ее изнутри — настойчиво, почти насильно, на грани боли

и страдания, — так, что она задохнулась бы, тонко застонала, припав к его шее, вцепилась бы в его плечи до боли, раздирая плечи в кровь сквозь тонкую ткань рубашки.

Все эти бессовестные мысли — и особенно яркие видения, в которых бедра девушки дрожали от его ласк, — крутились в его голове, пока он смотрел на нее, такую невинную и свежую, и он огромным усилием воли сдерживал себя, чтобы не выдать своего желания ни малейшим неверным движением, ни словом, ни вздохом, хотя от близости этой девушки у него кровь в жилах закипала и крыша просто уезжала.

Больше всего его заводило то, что ему казалось, что ветер, шевелящий полы ее коротенькой пышной юбочки, доносил до его обострившегося обоняния нежный тонкий аромат ее возбуждения. Скорее всего, это была всего лишь игра воображения, и тонкий запах, который растревожил воображение Акулы, мог оказаться ароматом цветов, запахом тонкого пота на висках, чего угодно, но с каждым мигом ему казалось, что запах становился все сильнее, словно девчонка смотрела на него и вспоминала его руки на своем теле. Его близость. Его желание. И свое... свое желание и нечаянное, запретное удовольствие. Желание того, чтобы меж их телами не было преград в виде ткани одежд. И чтобы он, неспешно, тягуче двигаясь, не спрашивая ее разрешения, проник в ее тело, и вжался — долго, крепко, сильно и глубоко, так чувствительно, чтоб она содрогалась и трепетала на его члене, беспомощная, покорная, побежденная...

Напади! Разорви! Возьми!

Глядя глаза в глаза друг другу, эти двое людей молчали, но их тайные мысли, оставшиеся не высказанными, перетекали, причудливо смешивались, и Акуле казалось, что он под слоем возмущения, холода и гнева угадывает ее мысли и фантазии.

«Спокойнее, спокойнее, — хладнокровно уговаривал он самого себя, унимая дрожь, когда пальцы девушки скользнули по его руке, когда Лера принимала цветы. — Ну да, девчонка нереально хороша, о такой можно только мечтать. Но ты же не животное, ты же можешь держать себя в руках?»

— Да ладно, — меж тем небрежно ответила Лера. Ее ресницы дрогнули, прикрыли яркие глаза, на прелестном личике выписалось знакомое уже язвительное и высокомерное выражение, и Акула едва удержался от смеха — вот же противная девчонка! — Не за что особо извиняться...

— Есть за что, — твердо произнес Акула. Лера шагнула к нему еще ближе, и он неосознанно обхватил себя руками за плечи, скрестив руки на груди, словно закрылся от девушки, так вызывающие и дерзко поглядывающей на него из-за огромного букета. — Мужчина не должен так себя вести с незнакомой девушкой.

— Даже Акула?

Ее вопрос кольнул его в самое сердце. В этих двух коротких невинных словах было так много неприкрытой жажды, нескромного любопытства, что он понял, нет — почувствовал: запах ее возбуждения ему не чужд. Девчонка хотела его; его оскорбление вчера — она пережила его, перебрала в памяти, и когда стыд перегорел, осталось одно — желание.

«Этого только не хватало!» — подумал он отчасти сердито, глядя, как девчонка смотрит на него, и от ее восторженного взгляда у него кровь начинает бешено колотиться в висках.

— Даже Акула, — мягко подтвердил он, тушуясь и понимая, что надо отступить, тотчас же, сию минуту. — Извините еще раз. Встретиться еще раз, думаю, у нас возможности не будет, а извинения принести мне было необходимо.

— Да вовсе нет, — беспечно ответила Лера, делая вид, что рассматривает цветы. — Подумаешь, шутка. Это же было не взаправду, не по-настоящему.

— Что?

Как эта змея, эта чертовка подобралась так близко?

Цветы лежали там, откуда он их взял перед тем, как вручить девчонке, а Лера, все так же бесстрашно и наивно — теперь он знал, что ее наивность это притворство и искусная игра!

— глядя в его лицо яркими веселыми глазами, стояла близко-близко, посмеивалась, словно понимая, нет — словно зная точно, каких усилий ему стоит держать себя в руках.

— То, что вы делали, — дерзко ответила она. От ее губ пахло фруктовым ароматом, Акула ощутил этот нежный парфюмерный запах потому, что девушка была невероятно, недопустимо близка, так близка что он чувствовал тепло ее тела, чувствовал малейшие прикосновения ее одежды от порывов ветра к своей одежде, и свое накачивающее дикое, неконтролируемое возбуждение — тоже. — Это же было не по-настоящему. Шутка. Зачем извиняться?

— Да? — вкрадчиво произнес он, все еще стараясь держать себя в руках, хотя уже отлично понимал, что влип, что попался, что не может сделать и шагу назад, чтоб вырваться из плена ее соблазнительного, дурманящего аромата, ее жара, ее желания. Ее влажные губы были близко; очень близко. Они почти касались его губ, и Акула крепче стиснул руки, чтобы девица не заметила, как неистово его трясет, как напряглись его плечи, потому что все его существо рвалось, рычало и вопило — возьми! Схвати!! Бери же! — А как по-настоящему?

Лера не стала напрыгивать; в этой неспешной напряженной тишине резкие и быстрые движения были неуместны и дики. Она лишь привстала на цыпочки и — нет, не поцеловала, а тонко и осторожно коснулась его губ своим соблазнительным ротиком.

Какая приманка! Какая жестокая и хитрая — как капля крови в морской воде! — приманка!

И отказаться было невозможно, нет, нельзя отпрянуть, сделать шаг назад, оттолкнуть, не попробовать! Акула ухватил ее, стиснул, измял жадными руками нарядную светлую блузку, впился в ее губы со стоном, жадно, разрываясь между «нельзя», гремящим в мозгу раскатами чудовищной грозы, и таким же ослепительным, выжигающим досуха «хочу!».

Хочу!..

Девчонка потерялась в этом поцелуе, слишком неумелая, слишком неловкая и неспешная, а он исцеловывал ее сладкие пухлые губы, жадно вдыхая ее запах, упивался ее сладостью, лаская языком ее мягкий язычок, прихватывая его губами слишком откровенно и развратно, пожалуй, так, как никто не делал этого в ее недолгой жизни, проникал горячим языком в ее рот — и едва не упустил ее, когда у девчонки разом подогнулись дрогнувшие колени.

До дрожи, до боли — возбуждение накрыло его с головой, и он, ухватив девчонку за талию крепче, прижал ее к себе, прижал ее к своему вставшему члену, деля с ней тайну — он хотел ее. Дико вожделел ее, до безумия хотел оттрахать прямо тут, на капоте машины, зажимая ее рот поцелуями, чтобы не смела кричать, чтобы все ее стоны, все ее крики, самые неслышные вздохи — чтобы все досталось только ему.

«Что я творю, что творю, — билось у него в висках, когда он в сотый раз провел по ее сочным губам языком, слыша сдавленный жалкий стон девушки и чуя, как оглушительно пахнет ее желанием. — Нельзя же... нельзя...»

— Теперь по-настоящему? — хрипло поинтересовался он, через силу отрываясь от ее губ. Спросил — и поцеловал снова, снова с головой бросившись в сумасшедшую страсть, вливая ее вместе с дыханием в девчонку, много, слишком много, так, что у Леры снова дрогнули колени. Ей, не пробовавшей в своей жизни такого мужчину, как он, этого было слишком много; она даже не смогла ответить сразу после того, как он ее отпустил, разжав через силу руки.

Ее пошатывало, ее длинные тонкие ножки подгибались, когда она отступила от него, унимающего шумное дыхание, на пару шагов. В ее бирюзовых затуманенных глазах все еще плавала тень удовольствия, но было и еще кое-что.

Злорадный, дерзкий, колючий огонек.

Ее тонкая кисть как-то нехорошо, с показной бравадой отерла вспухшие от поцелуев губы, Лера усмехнулась — пожалуй, даже зло, — торжествуя свою победу. Она прекрасно видела, знала, чертовка, изначально, что он ее хочет, что он пытается отстраниться — и спровоцировала, спровоцировала его!

— Уже лучше, — ответила она дерзко, небрежно подхватывая букет в руки. — Но еще не Акула.

Она расхохоталась — звонко, обидно, — развернулась, и ее каблочки весело застучали по асфальту. Потрясенный Акула молча проводил ее взглядом; где-то впереди, на тротуаре, сидел бомж, выпрашивающий милостыню — и в его грязные руки, протянутые к девушке, и был отправлен роскошный букет роз, а Лера зашагала дальше налегке, еще быстрее, и не оглядываясь.

— Однако, — протянул Акула. В голове его звенело, словно он был оглушен взрывом. — Два-два, милая...

Каждый шаг давался Лере с трудом, хотя она изо всех сил старалась шагать танцующей, легкой походкой. Свернув в подворотню, она едва ли не рухнула, привалилась спиной к стене и сползла вниз, выставив коленки, которые все еще дрожали. Поцелуй все еще жег губы, Лера натянула юбку и зажала ее меж ног, потому что там, внизу живота, все пульсировало, наполняя ее тело просто волшебным, нереальным кайфом. Ужасно было жаль своего широкого, необдуманного и глупого жеста; хотелось вернуться и отнять у онемевшего бомжа роскошный букет, нет — хотя бы одну розу выдернуть, оставить себе, потому что подарил — Он... Лассе. Акула.

Подарил, извиняясь. Подарил, желая высушить вчерашние слезы. Загладить вину.

Высокомерный Акула-Лассе, в чьем снисходительном молчании и взгляде свысока больше секса, чем во всех словах и поступках знакомых парней Леры!..

Старшая сестра ее подружки, с которой они вместе подавали документы на поступление, двадцатилетняя девица, работающая курьером в фирме, возглавляемой братьями Виртанен, Анри и Лассе, лихо зажимавшая сигарету отбеленными у стоматолога зубами, сидя на подоконнике в одних трусах, красила ногти на ногах вишневым лаком, загорала спину на августовском нежарком солнышке и взахлеб рассказывала, как у нее темнеет в глазах, когда босс просто входит в приемную.

— Натуральная Акула, — рычала она страстно, стиснув зубы. — Сердцами питается. Вырвет — и не поперхнется!

Эти яростные слова, однако, были произнесены таким томным, таким страстным голосом, что Лера с усмешкой подумала — а ты не прочь, чтоб он вырвал твое сердце... Ну, хотя бы куснул между голых сисек.

На снимках с корпоративов, которых у курьерши была просто пачка, Лассе показался Лере высокомерным и холодным. Красивый, холерный, но эгоистичный, отстраненный и даже слегка злой мужчина, злой нехорошей, недоброй злостью. Рядом с ним вились какие-то гламурные красотки. Загорающая на окне курьерша, щуря от слепящего солнца глаза, потягивая через соломинку тепловатый сок и нащупывая на тощеньком тельце предательские жировые складки в виде дрябленькой кожицы на животе, пояснила, что у Акулы постоянной девушки нет, но вот такие «модели человека повышенной тюнингowości» время от времени у него появляются.

— Вот эта, блонда — прошлогодняя, — тыча в фотографию острым вишневым ногтем, поясняла курьерша. — Как она на него вешалась!.. Ножками сучит, сиськами жмет. Аж чуть в трусы кипятком не ссыт, скулит, как болонка. А вот эта фифа долго продержалась, аж полгода. Он от нее едва ли не газеткой отбивался. Она все хвасталась — я смогу, он будет мой, да я его, да от меня никто живым не уходил...

— И что? — спросила Лера, сама не замечая, как красит ногти вишневым. Это был словно знак тайного общества, Орден Свидетелей Акулы, и она вступила в него, не раздумывая, тотчас же, полюбив по одним только горячечным словам и старым фото.

— И ничего, — ответила курьерша. В ее голосе прозвучало неподдельное ликование. — Не, трахнуть-то он ее трахнул. Она потом месяц счастливая ходила, все хвасталась, какой он мачо, какой горячий и бла-бла. Но...

— Красивая же девушка, — с изумлением произнесла Лера, рассматривая несостоявшуюся пассию Акулы.

— Красивая, — согласилась курьерша, щуря от едкого дыма глаз.

— Так чего ему надо?

— А ч-ч-черт его знает, — весело отозвалась курьерша, подтягивая колени к груди и поворачиваясь прохладным боком к светилу. — Никаких отношений, никаких подруг, никаких пашней... и это притом, что вот эти дутые продукты шинного завода, — она кивнула на фото девушек, — клянутся, что он горяч, как перец чили в заднице. Ну, не может такой мужик один. А он один.

— Единственную свою ждет, — с придыханием определила подружка Леры. Она слушала все эти байки, удачно копируя сестрицу Аленушку, грустящую над черной водой, и Лера, до той поры считающая подругу простоватой и глуповатой, сейчас отчего-то с охотой с ней согласилась.

— Куда уж ждать, — грубо ответила курьерша, не скрывая своей досады, яростно туша сигарету в пепельнице. — Тридцать семь годков. Старый уже, ждать-то.

— И ничего он не старый, — возразила Лера, рассматривая фото Лассе снова и снова.

Потом, вечерами, она мечтала о том, что серые глаза глубоководного хищника посмотрят на нее и оттают, а сам он окажется не таким уж гадом, каким его с восторгом и придыханием расписала курьерша. Может, тоже устроиться туда, к ним, на фирму курьером? Можно было бы его видеть, хоть издали. И даже познакомиться... Лера была не из робкого десятка, но все равно терялась от мысли о том, что он может о чем-то спросить, что-то приказать сделать.

А потом все случилось как-то внезапно и совсем не так, как она себе представляла. Все было слишком быстро, слишком скомкано, и никаких долгих взглядов, никакого восторга в серых глазах. Крепкое рукопожатие и леденец в подарок — Акула кусанул и ее сердце, Лера думала, что уже умерла и ее душа отлетела на небо, когда он коснулся ее руки.

Ей хотелось плакать и смеяться одновременно; в голове творился сумбур, и она не нашла ничего умнее, как ляпнуть про акулу. Это был ее шанс, выпавший ей единственный случай прикоснуться к кумиру, а в голове — просто вакуум и ультразвук счастливого писка. И поэтому она сказала первое, что пришло в голову.

Акула!

Она выпалила это по-детски, даже не вполне соображая, что и кому говорит, но вот то, как он напрягся и как колюче глянул — увидела и обмерла. Самое время было остановиться, затормозить, извиниться, перевести тему, но ее несло. Ей казалось, что она падает в пропасть, а язык сам мелет какую-то чушь.

«Что я говорю такое, — в ужасе орал ее внутренний голос, когда она поняла, что дразнит взрослого, незнакомого мужчину. — Это позор какой-то, это!..»

А потом было это.

Потом были несколько секунд оглушающей, сжигающей дотла страстной близости, и вкрадчивые нежные касания — такие, о каких влюбленная курьерша даже и помыслить не могла.

Да и никто в их фирме.

Руки Акулы, ладные, красивые, словно выточенные из слоновой кости, держали ее крепко, но, кажется, не умели причинять боль в принципе. Такие сильные, такие жесткие пальцы, они касались осторожно, вкрадчиво, даже если движения были порывисты и грубы.

Акула напал на нее; Лера на миг ощутила просто кипятковый шок оттого, что он делал и как трогал ее, а потом — точно такой же невероятный кипятковый кайф, потому что от Акулы

веяло страстью и желанием настолько, что поняла даже она, неискушенная юная девушка. Он хотел ее; говорил правильные слова о недопустимости ее поведения, о том, что так нельзя, а сам хотел ее. Его движения — это было ничто иное, как отражение его желаний. Я делал бы это с тобой нежно и долго, словно говорило его тело. Неспешно, глубоко, и очень нежно.

Хотел.

И как реагировать на такое оглушительное признание, Лера тоже не знала. Зачем-то всплыли в памяти фото его любовниц, слезы сами брызнули у нее из глаз, потому что она потерялась и почувствовала себя одной из них, использованных и отброшенных прочь.

«Но я так не хочу, не хочу!»

Его поцелуй и поверг ее в шок, и наполнил ее нечеловеческим наслаждением, и напугал до жути одновременно. Она поняла, что не устоит, если это продлится немного дольше, она позволит ему все — изнемогая от удовольствия и острейшего чувства влюбленности, — но силиконовые красотки снова всплыли в памяти, и потому, едва лишь он от нее отстранился, Лера отступила.

Ей хотелось закрыть руками лицо, губы, чтобы ветер не стирал с них приятное возбуждение и удовольствие от прикосновений его языка. Ее снова несло; в голове был хаос, мешанина невероятного, сумасшедшего счастья, испуга и самого настоящего опьянения. Никогда и никто не целовал ее так — а ноги у нее подгибались совсем не наигранно, и в трусиках было мокро, а живот ныл, наполненный приятной тяжестью желания.

И она снова поддразнила Акулу — сама не понимая, что творит, и едва не рыдая от отчаяния потому, что не нашла умных и верных слов, чтобы понравиться ему.

— Уже лучше... но еще не Акула.

А так хотелось, чтобы все было просто...

Акула светских раутов не любил. Точнее — в последнее время не любил.

Примитивная ярмарка тщеславия, где богатые люди выкидывают на нужды пингвинов северного полюса баснословные суммы, а хищницы с горящими глазами высматривают себе дичь покрупнее. И никого особо не волнует, что пингвины в северном полушарии не живут.

Но Лось свято верил, что пингвинам нужны валенки, а значит, на этом благотворительном аукционе нужно было быть. К тому же, оказалось, кто-то хотел видеть Лассе-Акулу; нарочно его, чтобы выразить то ли благодарность за отмененную сделку с ненадежным партнером, то ли еще за что-то.

Акула теперь вычислял таких, каким он был сам, прожигателей жизни, прогулявших все до нитки, едва ли не по запаху. По бегаящим глазам, по дрожащим пальцам, по никчемным хохоткам. Он смотрел на человека и видел свое отражение в нем. И говорил «нет».

Видимо, кому-то сгодилося... хорошо.

Больше всего ему хотелось снова съездить к той библиотеке — теперь без цветов, просто... черт! Да просто постоять рядом, в надежде, что она выйдет. Издалека понаблюдать, как Лера выйдет, проводить тайком до поворота. Умом он понимал — это чистое безумие, он ведет себя как малолетний идиот, но справиться с влечением не мог. Спасибо Лосю с его пингвинами — помог выбраться, отказаться от этой зависимости.

В качестве спутницы с собой он взял Вику. Вика, Вика, Виктория. Победа во всех смыслах этого слова. Раскованная красотка, свободная, как ветер над Африкой. Красивая, как песня Покахонтас. За один только взгляд ее карих глаз можно умереть. Одно плохо: Вика — модель, и эти острые взгляды, стиснутые губы, гордо вздернутая голова — это часть ее работы. Она умеет это делать, так смотреть и принимать изысканные позы, но это вовсе не значит, что она такая. Пойти с Акулой на светский раут для нее предел мечтаний; она радуется, как девчонка, и он думает, что если б она не скрывала своих настоящих чувств, он и вовсе не обратил бы на нее внимания.

Лера другая.

Вызов в каждом слове. Настоящий вызов. Бьет по больному, получает сокрушительный удар — и каждый раз повторяет свои атаки так, словно ничего не было. Забавная девчонка...

Шагая под руку с Викой к столику, за которым сидел Лось, возвышаясь, как скала над равниной, Акула размышлял над тем, не подпоить ли Аньку и не разузнать ли у нее тайком, где живет Лера. Зачем? Он не знал сам; подкарауливать ее у дома... вряд ли у него будет время. Наверное, просто знать, что есть место на земле, в этом городе, где она есть.

Однако, чем ближе он подходил к столику, из-за которого ему сигнализировал Лось, чем ярче сияла нитка жемчуга на шейке Аньки, беспечно вертящей головой по сторонам, тем яснее становилось ему, Акуле, что это за девушка сидела рядом с неугомонной наследницей Мишиной империи.

В изящном розовом шелковом платье, простом, нескромном и кокетливом одновременно, с обнаженными плечами, с диадемой из искусственного жемчуга и серебра на блестящих волосах, рядом с Анькой сидела Лера.

«Парижский шик! — подумал Лассе, рассматривая длинные ноги Леры, которые девушка выставила в проход, вслушиваясь в то, что болтает ведущий вечера. — Вот же!..»

И мужчина — рядом с Лерой, к большому удивлению Лассе сидел молодой парень, одетый добротно, но несоответствующе мероприятию.

По тому, как смело, по-хозяйски, он касается девушки, как смеется — раскатисто, громко, не думая о том, как выглядит в ее глазах, — Лассе понял, что это и есть жених.

Американец, наверное. Рыжеватый, как выгоревшая на солнце трава Алабамы. Дикий, как невоспитанный Канзас. Типичнейший американец — судя и по поведению, и по шумному смеху, и по грубому языку, и безвкусной, нарочито яркой внешности. Одет не по регламенту... как будто, уже пьян — несмотря на наличие юной невесты, которой не интересны эти благотворительные ухищрения.

Ну, насчет олигарха Анька, конечно, погорячилась; рассматривая потенциального соперника, Акула вычислил, что тот, пожалуй, всего лишь сын бизнесмена средней руки. Не слишком богатого, без фанатизма. Тот же Лось, у которого Лассе на подхвате, посolidнее будет... Но нахальства и высокомерия у американца хватает.

Его присутствие вызвали в душе Лассе небольшую такую волну возмущения и даже ревности, и он, усадив свою спутницу и присаживаясь сам, недобро думал, что с удовольствием увидел бы прилизанную рыжеватую шевелюру потонувшей в море. Тот факт, что он сам явился на прием не один, был им как-то выпущен им из вида. Только когда в глазах Леры, обернувшейся ко вновь прибывшим, блеснул ревнивый огонек, Акула с удивлением уставился на свою спутницу, словно только сейчас понимая, что она живая, а не изысканный аксессуар.

Тотчас же захотелось все переиграть, прийти одному, чтобы Лера не смотрела так насмешливо и осуждающе, припоминая их поцелуй, — черт, они же целовались! — и одновременно хотелось, чтоб Вика, ослепленная великолепием приема, жалась к нему с еще большим пылом и восторгом, чтобы у Лера тоже поревновала, и у нее мысли не зародилось, что он один, и...

«Я идиот, — подумал Акула, рассматривая склоненное личико Леры и сияющую самодовольством физиономию американца. — Придурок, глупец! Нет между нами ничего! Нет!»

Однако, один взгляд Леры разбил в пух и прах все его правильные мысли.

Ей было отчаянно скучно, непонятно все это сборище, и она хотела танцевать, чтобы все любовались ею, чтобы все оценили ее платье, ее туфельки и блестящую юную красоту. Однако, рядом был ее жених, который вел себя не больше, ни меньше — как хозяин, и оттого Лера боялась лишний раз двинуться. Усаживаясь, Лассе посмотрел на девушку с нескрываемым восхищением. Поймав ее ручку, накрыв своей ладонью на столе, среди приборов, он сжал ее, и, поднеся к своим губам, тихо шепнул:

— Perfect, — нарочно так, чтоб расслышала она, и понял шумный жених. Жениху, однако, было все равно.

Он глянул на Акулу мельком, свысока, так, как глядят победители.

Девушка, Лера, уже была его — и он ощущал себя ее повелителем. Он смерил Акулу насмешливым взглядом и намеренно громко, сыто рыгнул.

А вот его, Акулы, дама американца заинтересовала. Он с удовольствием ей улыбнулся, демонстрируя безукоризненную голливудскую улыбку, и его масляный взгляд беззастенчиво нырнул в декольте Вики.

Все-таки, она была роскошной женщиной, этого у нее было не отнять, и американец просто не мог не среагировать.

Лера, проследив за его взглядом, вздрогнула, стыдливо пряча глаза, и Лассе растаял.

Невероятно, чтоб эта девушка весь вечер провела за столом, слушая американскую болтовню! Переведя нахальный взгляд на «жениха», Лассе намеренно медленно снова склонился над тонкой ручкой Леры и поцеловал ее подрагивающие пальцы.

С одной стороны, это был красивый жест, не более.

С другой стороны... встретившись глазами с его взглядом, Лера беспомощно хватанула ртом воздух и поспешила отнять свою руку у Лассе, после того тот касался губами ее пальцев.

От ее самоуверенности, нахальности и следа не осталось, и Лассе, посмеиваясь, понял, что девчонка-то здорово боится нагоняя от Аньки, которая следила за юной родственницей как коршун.

— Можно, мы потанцуем, — произнес он, обращаясь неизвестно к кому, протягивая требовательно руку девушке. — Скучно. До начала мероприятия еще куча времени. Составите мне компанию?

Ну?

Неужто не отважишься? Просидишь весь вечер тут?

Или пойдешь танцевать с этим рыжим?

Акула знал, что это не по правилам, что это даже не прилично и нескромно, но удержаться не мог. Американец — он то ли накидался уже так, что не мог подняться, и сидел, вытянув ноги, то ли просто перспектива потанцевать ему была совсем не интересна, — отреагировал слабо, брезгливо поморщившись, и Лера подскочила на ноги, испуганная, раньше, чем Анька что-то смогла возразить.

Вика подняла на него взгляд, полный обиды, но Лассе было все равно.

Здесь и сейчас; он видел, что Лера чувствует себя совсем уж плохо за этим столом, и одним выстрелом убивал двух зайцев: и уводит ее от скуки, и отвоевывает свое право коснуться ее.

— А вы не станете участвовать в аукционе? — прошептала она, шагая вслед за ним на свободную площадку. У ее розового платья был невероятный разрез — почти до талии, — и при ходьбе все ноги было видно. Прекрасные ноги!

— Не стану, — беспечно ответил Акула. — Я очень жадный. Мне не жаль замерзающих пингвинов. У вас красивые ноги. Смотрел бы и смотрел.

— Не надо, — пискнула Лера, краснея и пряча лицо, стараясь запахнуть платьем, но у нее ничего не вышло.

Ее руки нерешительно скользнули по его плечам, девушка прижалась к нему, ища поддержки, и Акула горячо возблагодарил Бога за то, что она так легко согласилась танцевать с ним.

— Как вы здесь оказались, — снова прошептала Лера, все еще не смея поднять лицо. — Зачем вы тут?!

— А вы? — с интересом спросил Лассе, с удовольствием прижимая Леру к себе.

— Фред приехал, — прошептала Лера, — я должна сопровождать его на такие мероприятия...

Акула не слушал ее сбивчивых объяснений; убаюкивая в танце девушку на своей груди, сжимая ее ручку, он с удовольствием привлекал ее к себе, слушая ее частое дыхание.

— Не боитесь танцевать со мной? — посмеиваясь, произнес Акула, и Лера, отстранившись, гневно взглянула на него, словно только что сообразив, с кем пошла. — За мной должок... За тот поцелуй, который вы мне подарили.

— Я?! — воскликнула Лера, смущаясь. — Да вы же сами!..

Глава 4. Укус Акулы

— Хорошо, хорошо, хорошо! — примирительно ответил Акула, чуть отпуская руку, дав девушке понять, что не неволит ее. Он готов был сказать что угодно, лишь бы ее не пугать, лишь бы она осталась, и ее ручка осталась лежать на его плече.

Однако, то, что Лера пошла с ним — с ним, с Акулой, после дерзкого знакомства и не менее дерзкого продолжения, — пошла поспешно, почти не скрывая радости, многое говорило об ее отношениях с женихом.

Акула мельком глянул за столик — даже Цербер-Анька проявляла какую-то вялую активность, почти не противясь тому, что он пригласил Леру на танец.

Глаза дуэньи были усталыми и полусонными, словно американская трескотня и смех порядком ее вымотали, и Анька была по-настоящему благодарна Акуле за то, что он притащился сам и припер с собой Вику, в тот самый момент, когда она готова была пасть и позорно ретироваться, не в силах больше терпеть рыжего жениха.

Вика, Вика... гхм.

Церемонно предлагая Лере станцевать знойное танго, Акула мельком глянули на свою спутницу. Вика была молода и красива, но ей отчаянно хотелось замуж.

И не за инженера, и не за слесаря, а за состоятельного человека. Лассе не был ее последним шансом; о последних шансах начинают говорить те, кому крепко за тридцать.

Но вот сейчас она будто и не заметила, что ее кавалер ее оставил, и с радостью переключила свое внимание на громогласного рыжего. Потом надо будет поинтересоваться у Анри, откуда он взялся, этот несмешной клоун.

А пока все внимание Лере, красавице Лере, богине!..

В руках Лассе девушка двигалась легко и плавно, и тот с запоздалым восхищением понял, что она, скорее всего, училась танцам. Даже посматривая с испугом на своего «жениха», она умудрялась — чисто автоматически, машинально, — своими невероятно прекрасными ногами выписывать па, да так ловко, что Лассе смутился, понимая, что ему-то эти танцевальные ухищрения даются не так легко, как девушке.

Придется постараться.

Но черт дери, оно того стоило!

Лера, томно откинувшись на его руку, даже голову откидывала плавно, выгибая тонкую шейку так неспешно, чтобы все наблюдающие за танцем могли сполна насладиться ее красотой.

И он, Лассе, был в первых зрительских рядах.

Ленивый самоуверенный рыжий американец потому и не пошел, что не умел танцевать или не хотел. И девушку он считал своей — даже в чужих руках он считал ее именно своей дорогой и красивой вещью, и самодовольно усмехался, понимая, что на его вещь любуются все кругом.

— Как вышло так, — шепнул Лассе на ухо девушке, привлекая ее к себе, чуть придерживая за обнаженную спинку — и изо всех сил сдерживая себя, чтобы не провести бессовестно и откровенно меж ее лопаток и ниже, ниже, забраться под тонкую шелковую ткань, по подрагивающей гибкой пояснице... — Что вы с ним... вместе? Только не лгите мне про вселенскую любовь. Он, может, всем хороший человек, но симпатии у вас к нему нет.

Наверное, в его голосе проскользнуло чуть больше сочувствия, чем было нужно, потому что Лера тотчас взъерошилась.

— Это не ваше дело! — почти выкрикнула она, и Лассе резко встряхнул ее, внезапно откинул ее на свою руку, заставив прогнуться назад так низко, что ее волосы коснулись пола, а восхитительная ножка выскользнула из разреза, и он с удовольствием сжал ее бедро, удерживая партнершу в откровенной и соблазнительной позе.

Мурашки побежали по коже — так приятно было сжимать ножку девушки, поглаживая шелковистую кожу чуть выше резинки чулок...

От неожиданности Лера взвизгнула, ее резкие слова потонули в ее же испуганном вскрике и в аплодисментах зрителей, и она, поднявшись, сопя шумно и злобно, как маленький сердитый носорог, уставилась ненавидящим взглядом в глаза Лассе.

— Так бы и сказали, — беспечно продолжил он, сжимая талию Леры крепче, — что не хотите об этом говорить. Зачем же кричать?

— Вы ведете себя недопустимо!

— Я? Да я просто танцую и пытаюсь с вами поддержать диалог, в чем недопустимость? — искренне возмутился Лассе.

— Вы задаете вопросы о тех вещах, которые вас совсем не касаются! — снова гневно выпалила Лера и судорожно ухватила его за плечи, боясь, что он снова опрокинет ее вниз головой, так, что у нее зайдет сердечко.

Но Лассе не стал этого делать; глаза его смеялись, он прижимал девушку к себе совершенно недопустимо — чересчур крепко и плотно.

— А вы иногда делаете совершенно дикие и разнузданные вещи, — напомнил он, — так что мы квиты.

Девушка в его руках снова засопела шумно, пряча лицо. И Лассе не понял, злится она больше или испытывает смущения.

— Вы пригласили меня чтобы поиздеваться, — ершисто спросила она, и Акула тряхнул головой — нет, нет!

— Нет, — ответил он, прижимая девушку к себе. — Я пригласил вас потому, что видел, как вам скучно. Потому что увидел, как вам... неприятно сидеть там.

— Откуда вдруг такое внимание к моей персоне? — не менее едко продолжала Лера.

— А что, нельзя? — опасно шепнул ей на ухо Лассе.

Его дыхание опалило ее кожу, разливаясь по венам страстным теплом, и Лера почувствовала его губы на своем пылающем от стыда ушке. Касание было осторожным, вкрадчивым, и сначала ей показалось, что он просто склонился к ней ближе, ловя аромат ее духов.

— Что вы такое делаете, — беспомощно произнесла она, вцепляясь в его плечи и млея от его тайной ласки, которую он скрывал даже, пожалуй, от самого себя.

— Ничего, — ответил он, прижимая девушку к себе. — Немного задумался, а что?

— Я думала, — непослушными губами шепнула девушка, ощущая знакомое головокружение от волнения, которое кидало ее в жар, словно вниз со скалы. — Вы будете вести себя опаснее... Но вам, кажется, снова нечем меня удивить.

Акула хмыкнул, изо всех сил стараясь не смеяться в голос.

Девчонка боялась своего жениха; по тому, как она оглядывалась на него, по тому, как вздрагивала, стоило его хохоту донестись до ее ушей, можно было понять — американец строг с ней, если не жесток.

Пожалуй, это единственная причина, по которой она пошла танцевать с ним, с Акулой; обольщаться не стоит. Она просто выбрала наименьшее зло.

Но даже в таком незавидном состоянии она находит в себе силы и смелость подцепить его, Акулу. Слабая, трогательно-беспомощная, она колет его булавочными уколами, дразнит...

«Ах ты, девчонка...»

Он с удовольствием прижался носом к ее шейке, слишком откровенно, чтобы этот жест можно было спутать с невинным нечаянным касанием. Девушка, кажется, даже дышать перестала, и тогда... видит бог, он не сдержался, соблазн был слишком велик!

Он прихватил губами тонкую кожу на ее шее, целуя сладко и нежно, и чуть куснул, оставляя красные следы, которые затрут совсем скоро, через пару секунд.

Поцелуй вышел слишком бессовестным, слишком вызывающим, слишком интимным и откровенным, вызывающим желание сильнее, чем тот, первый, в губы, и девушка сбилась с шага, выдохнув так громко и горячо, что этот вздох был похож на предоргазменный сдавленный стон.

— Я не могу отказать себе в удовольствии сделать это, — шепнул он, с сожалением отстраняясь от вожаемой шейки, которую хотелось покрыть такими хищными поцелуями всю, от точеного подбородочка до впадинки меж ключицами, и затереть языком следы зубов и губ. — Все еще не похоже на акулу?

— Пойдемте на место, — пробормотала девушка; в голосе ее слышался страх, и Акула, кинув быстрый взгляд на столик, подумал, что его ласку американец видеть точно не мог. Слишком далеко. Да они и отвернуты от него, он не мог ничего заметить. Однако, девушка боится.

«Бред какой-то, — с непонятной самому себе озлобленностью думал он, провожая Леру на место. — Анька уж точно должна видеть, что тут не все гладко. Мать, отец этой девчонки куда смотрят? Нравится, что какой-то пастух дочку страшит?»

Американец выглядел недовольным; то, что его невеста расплывалась флиртующие танцы с другим, ему не понравилось.

Его водянисто-голубые глаза смотрели на Леру недобро, и Акула словно наяву услышал все, что он мог сказать.

Он говорил бы о своей исключительности, об оказанной Лере чести, и о том, что он не позволяет ей... это все недопустимо...

Посмеиваясь, Акула уселся напротив американца.

Тот смотрел на Акулу словно на врага, открыто показывая, что Акуле не место за этим столом.

Он бы произнес это и вслух, но, кажется, остатки мозгов у него все же были.

Истинным хозяином положения за столом был Лось; он угощал, он, по сути, пригласил этого Фреда, или как там его, и потому уж не Фреду решать, кто тут будет сидеть, а кто пойдет вон.

Тем более, что самому Лосю, кажется, американец тоже надоел, опостылел. Еще черт знает, что он тут им говорил.

«А ты, значит, пуп земли, — меряя зазнавшегося мальчишку взглядом, с усмешкой подумал Акула. — Развалился, повис на стуле, как смятая рванина, на Вику вон лапы свои свесил, — американец небрежно обнимал девушку за плечи, словно уже давно был с ней закадычным другом, — и чем-то еще недоволен?»

Кажется, до возвращения Лассе и Леры неутомимый Фред рассказывал — хвастался, — то ли своими — отцовскими, — владениями, то ли расписывал свою ловкость и силу во всех красках.

— Что в офисе сидеть, — разглагольствовал он, демонстрируя невозмутимому вниманию Лосю свою пятерню, с натруженной ладонью, с огрубевшими пятнами старых мозолей на длинных растопыренных пальцах. — Это разве занятие для настоящего мужчины? Да, может, я и не заканчивал университетов в Европе, но зато на своей земле я не пропаду, всегда заработаю себе на кусок хлеба.

Лассе мельком глянул на Леру; та сидела напряженная, с подчеркнуто холодным выражением на лице.

Перспектива быть запертой на ранчо — вот в этом шелковом платье, в золоченых босоножках, — ей совсем не улыбалась, и все похвальбы жениха ей были неприятны.

А он видел, что ее не прельщает простая сельская жизнь; не такой уж он был дурак, этот Фред.

Он не мог не понимать, что то, чем он так яростно гордится, Лере совсем не нужно. Но из упрямства и какого-то садистского желания поломать, подчинить себе, он навязчиво повторял раз за разом о том, что тот мир, где он проведет свою жизнь, и его семья тоже, — это ранчо. И Лера делалась все напряженней, как туго натянутая струна.

— Образование, — веско заметил Лассе, небрежно пригубив бокал с водой, — дает возможности получить что-то больше того, что уже имеешь.

— Больше, — презрительно зафыркал Фред, мотая рыжеволосой головой. — Куда больше?

— Самолет, например, — огрызнулась Анька. Ее похвальба американца достала до печенок, и она призывно посматривала на мужа, моля заткнуть расхваставшегося гостя. Но Лось остался глух к ее умоляющим взглядам, а американец снова презрительно зафыркал, замотав головой, словно поражаясь тупости свих собеседников.

— Сидя в офисе, — веско и снисходительно заметил он, — вы ослабели. Самолеты, автомобили... живой, дикой силы в вас нет. Ни конкурента заломать, ни подчинить себе строптивую женщину... Чтобы знала свое место и слушалась.

Он взглядом победителя посмотрел на Леру снова, и Лассе стало ужасно жаль девушку.

Такой прелестный, чистый мотылек... неужто ее запрут в деревне, на ферме с коровами, и будут «обламывать»?

Лось вежливо кашлянул, поправив очки в тонкой оправе на породистом носу, а Лассе, бессовестно усмехаясь, показывая острые зубы, заглядывая своим пронзительным ледяным взглядом едва ли не в душу американцу, без лишних слов протянул ему руку, установив локоть на скатерти.

— Попробуешь? — предложил он. — Поборешь конкурента?

Руки у Лассе-Акулы были чистые, гладкие.

Разумеется, физическим трудом он не занимался, лопатой махать ему не приходилось, в отличие от Фреда, у которого ладони заживали после пойманных заноз.

Пальцы Акулы, гладкие и длинные, словно выточенные из слоновой кости, ничего тяжелее кия не держали — он был превосходный игрок.

— А давай, — развязно ответил американец, сверкая водянистыми внимательными глазами. — Если я выиграю, ты больше не приблизишься к моей женщине ближе, чем на два метра.

Лассе ослепительно улыбнулся, засмеялся тихонько, все так же внимательно глядя на Фреда.

Не дурак американец, не дурак... внимательный, сразу понял, почуял, что между Лерой и Лассе что-то есть. Промелькнуло, сверкнуло.

— Негоже спорить на своих женщин, — припоминая слова брата, сказанные когда-то, ответил Акула. — Но я все же поддерживаю спор. Если выиграю я...

Конец фразы он замолчал, в его светлых глазах промелькнула угроза, и американец бездумно и горячо вложил свою ладонь в его руку, изо всех сил вцепился, сжимая пальцы.

Если бы он сунул свою кисть в капкан, эффект был бы такой же.

Одним движением Акула не только сломил всякое сопротивление американца — он едва не выломал его руку из сустава, заставив Фреда заорать и завалиться на стол, сбивая приборы и багровея от боли в вывихнутой руке.

Акула, пожевывая пластик сыра, секунду смотрел на извивающегося на столе малолетнего идиота; Лось успел лишь поморщиться, недовольный потасовкой за своим столом, а Анька напротив — гаденько посмеивалась, потирая ручки.

Поднявшись, все еще удерживая заломанного американца, Акула сунул в рот еще ломтик сыра и, склонившись над постанывающим Фредом, ласково шепнул ему на ухо:

— Тронешь девчонку хоть пальцем — я тебе ноги и руки переломаю, и скажу, что так и было. Покоритель сопливый...

Брезгливо отпихнув от себя поверженного соперника, Акула отступил, одернул пиджак, стряхивая с плеч напряжение.

— Идем, — кивнул он Вике, и та, до того сидевшая тихо, молча, послушно подскочила, словно все это время дожидалась команды. — Спасибо за приятный вечер!

Последние его слова адресовались Лере, которая смотрела на него изумленными огромными глазами. Акула нарочно подступил к ней ближе и взял ее руку, бережно, осторожно, словно тонкая кисть могло повредить самое невинное касание. Он поднес ее пальцы к губам и поцеловал их — несколько раз, отмечая с удовольствием, что она вздрагивает каждый раз.

— Прощайте, — произнес он, не смея поднять на нее взгляд. — И всего доброго!

Глава 5. Выбор

Вика ластилась, как нашкодившая кошка.

— Куда мы поедем, милый, — мурлыкала она, стараясь повешаться на плечо Акулы, вцепиться в него когтями и заглянуть томными бессовестными глазами в его лицо. Куда поедем... разве не ясно, что никуда? Домой, спать, каждый свою постельку!

Но Вика, которая действительно чуяла за собой непонятную вину — вероятно, потому что отвечала на бесхитростный флирт американца, — во что бы то ни стало решила сегодня запрыгнуть в койку Лассе.

— Ты такой сексуальный, когда злишься, — пропела она призывно и томно, все еще цепляясь на его одежду и мешая ему попасть ключом в замок зажигания. — Такой страстный... Мы давно с тобой не проводили времени вместе. Ты же хочешь? Ты же для этого меня позвал, а? Я не против... и даже за!

— Вика! — рыкнул Акула, отпихивая ее плечом. Именно сейчас ласкаться с ней не хотелось. Нет, хотелось снять напряжение, унять кипящий в крови адреналин, но сейчас, после запаха Леры, после пульсации тоненькой венки на нее шее под своими губами, другой женщины не хотелось.

Другая женщина изгонит ее аромат; сотрет ощущение шелковых бедер с ладоней. Заставит забыть мучительно бьющийся в висках вопрос — что происходит?! Зачем это все? Что вообще такого особенного случилось между ним и Лерой? Что за игры с этой ершистой, дерзкой девчонкой?

— Не сегодня, — рыкнул Акула, отталкивая руки девушки. Та, откинута на спинку сидения, болезненно скривилась; руки мужчины боли ей не причинили, но слова ранили в самое сердце.

— Да что с тобой такое, — резко и зло выдохнула она, рассматривая Акулу так, словно видела его впервые. — Приглашаешь меня на вечеринку, сам уходишь танцевать с какой-то девицей, дерешься с ее парнем, портишь всем вечер... Я ведь могу и обидеться, — мстительно заявила она, сузив глаза. — И уйти сейчас. Мне надоело плясать под твою дудку.

— П-ф-ф, — насмешливо фыркнул Лассе. — Ты рассчитываешь меня этим напугать?

Вика побагровела от ярости. Она выкрикнула бы что-то еще, злое, нехорошее, обидное, но в этот момент на тротуаре звонко застучали каблучки, дверца распахнулась, и на заднее сидение плюхнулась Лера.

По ее хорошенькому личику ползли злые слезы, волосы были растрепаны, словно кто-то ее тряс за плечи, и Акула, обернувшись назад, отметил на ее плечах красные, быстро сходящие следы от пальцев.

Автомобиль был Лассе, но уничтожающий взгляд достался Вике, обернувшейся посмотреть на незваную гостью.

Лера упрямо сжимала пухлые губки, щурила яркие глаза, чтобы было не так заметно, что она плакала.

Лассе скорее угадал, что она нарочно так бесцеремонно ведет себя — злит Вику, мучает ее, платя за собственную ревность.

То, что он, Лассе, явился на прием с девушкой, и с ней же ушел, здорово задело Леру, и она теперь мстит сопернице, несмотря на то, что жених, кажется, здорово ее потрепал.

«Все же сорвался на девчонку, — с досадой отметил про себя Лассе. — Говнюк малолетний!»

— Я поеду с вами! — безапелляционно выкрикнула Лера, с удовольствием наблюдая, как теряется соперница, и как стыдливый румянец наползает на щеки Вики. — Он меня ударил, я не хочу быть с ним, не буду!

В голосе Леры прозвучала неподдельная истерика со слезами, и Вика расхохоталась, всплеснув руками.

— Пожалуйста... не оставляйте меня здесь!

— Отлично! — прошипела Вика, яростно терзая свой клатч. — Этого еще нам не хватало! Нянчиться с девчонкой!

— Помолчи-ка! — рявкнул на нее Лассе, и Вика, расхохотавшись еще громче, решительно открыла дверь.

— Развлекайтесь тут! — выкрикнула она, яростно захлопнув за собой дверцу и почти бегом направившись в ту сторону, откуда только что прибежала Лера.

Оставшись наедине со всхлипывающей девушкой, Лассе некоторое время молчал, оглушенный этой внезапной рокировкой. Затем снова осторожно, словно боясь, что девушка растает в воздухе, обернулся к ней.

— Ну, — произнес он, стараясь, чтобы голос его звучал строго, — и что это за демарш?

Лера не ответила, шмыгая носом и пряча мокрые глаза, стискивала на коленях руки, словно провинившаяся школьница, и он снова замолчал, понимая, что отчасти вина за то, что девушка сейчас плачет, лежит на нем.

— Увезите меня отсюда, — тихо попросила она. — Пожалуйста!

— Увезите! — повторил он. — А что скажут твои родные?..

— Что скажут! — выкрикнула Лера, легко впадая в истерику и яростно терзая розовый шелк своего платья. — Да мне все равно, что они скажут! Я совершеннолетняя, делаю, что хочу! Ясно?!

— Но Ане я должен сказать, где ты, с кем ты, — строго произнес Лассе, сдаваясь. — Она не будет против нашей с тобой поездки, м-м-м?

— Будет! — ершисто выкрикнула Лера. Лассе кивнул:

— Хорошо. По крайней мере, честно. Обещаю: я тебя... с ним не оставлю, пока не буду уверен, то все с тобой будет хорошо. Ну, не плачь.

Лера промолчала, шмыгая носом, и Лассе, вылавливая из кармана телефон, вышел из машины, оставив Леру одну.

Он почему-то не хотел, чтобы она слышала, о чем он буде говорить с Анькой.

Точнее, он точно знал, почему не хотел. Аньке хотелось задать много вопросов, вертящихся на языке; хотелось накричать, долбануть кулаком, спросить — как это рыжее чучело вообще подошло к Лере?! Он не имел на это никакого права, но так хотелось кричать, вытрясти ответы да хоть бы с того же Лося!

Но он сдержался, убеждая себя, что это вовсе не его дело.

«Может, размолвка, а я влез между влюбленными, — уговаривал он себя, слушая долгие гудки в трубке. — Сам, что ли, не был молодым?»

— Да?! — тревожно отозвалась Анька, и по одной только интонации ее голоса Лассе понял — она бежит, запыхавшаяся, отыскивает Леру. — Что?!

— Успокойся, — велел он, слыша в ее словах панику. — Лера со мной.

— Уф! — Анька выдохнула так откровенно, что стало ясно — девчонка убежала. — А я ее ищу...

— Дольше бы искала, — мстительно ответил Лассе, заглядывая в салон, к Лере. — Этот урод... он ее ударил? Я не пущу ее к нему, хоть трижды он жених. Это не дает ему права распускать руки.

— Не распустит больше, — Анька разразилась злорадным клекотом, — ему Лось щас вторую руку доламывает, а то ишь — карандашиком писал, ослабел... Конечно, будут вопросы по нему к Люси, я все отцу расскажу. Какого черта...

— Как вообще вышло, что она с... этим типом? — сдерживая нелестные эпитеты, рвущиеся из груди, поинтересовался Лассе. — Должны же смотреть родители, с кем их дочь встречается!

— Ну, какие родители! Какие! — сварливо отозвалась Анька. — Ты вообще слушаешь кого-нибудь, кроме себя, самовлюбленный индюк?! Я же рассказывала о ней как-то. Нету родителей у нее. Мама давно тю-тю, а папа пять лет назад, в аварии. Я же говорила! Отцовский племянник, ну же! Забыл? Люси Комбз, его вдова, теперь опекунша, мачеха! Фиг ли ей там интересно, с кем Лерка трется! Она, поди, этого почетного дояра-стахановца и сосватала, в добрые руки Лерку пристраивает, поди... С глаз долой, из сердца вон.

— Ах, вон оно что... — протянул Лассе, потрясенный.

Избалованная капризная девчонка враз, словно по мановению волшебной палочки, сделалась в его глазах беззащитной, хрупкой.

Совсем одна; никому толком не нужна, передают ее из рук в руки, пихают друг другу, заставляя друг друга заботиться о ней, как о ненужной, непосильной ноше...

— И тут ты еще! — сварливо продолжала рычать Анька. — Итак за девчонку вступиться некому, растет сама по себе, как сорная трава, ни задницу не надрать, ни мозги вправить! Ну, давай, мотай ей нервы, пудри мозги! Ты ж это умеешь!

— Аня, я не буду, — прерывая ее ругань, ответил Лассе. — Я не обижу ее! Я ее не трону, обещаю!

— Я вижу, как «не обижу»! — взвилась Анька. — Вижу, как «обещаю»! Чего ты этого рыжего раздраконил?! Он же видел, как Лерка за тобой побежала, вот и взорвался! У него, может, тоже выиграло... Вы же, мужики, все дебилы ревнивые! Может, и не было бы ничего... А ну, тащи ее сюда! Или нет; стой, где стоишь, я Лося пошлю. Он ее приведет. Доломал американца, как раз освободился.

— Ань, он урод, этот Фред! — не сдержавшись, выкрикнул Лассе, и Анька, в свою очередь, сорвалась, как собачонка с привязи. — Я не пущу ее! Я не позволю ее обидеть, я смогу ее защитить!

— Урод, урод, урод! А ты, блин, принц на породистом ишаке, что ли?! — заорала она. — Сам-то что творишь?! Играешься с девчонкой! Это живой человек, между прочим! О ней подумал?! Да и какое право ты имеешь пускать или не пускать? Ты ей кто?! Я кому сказала — веди ее сюда! Нет, стой там... Лось сейчас...

Лассе прикусил губу, выслушивая поток Анькиной брани, понимая, что она права.

Вот теперь и сейчас — права. Он никто; и сам развлекался с девчонкой в меру своей испорченности, доведя ситуацию вот до такого.

Но все же сейчас, сию минуту, ему очень захотелось снова все сделать правильно. Показать этому маленькому, беззащитному существу, что она ему не безразлична, и что он не спешит избавиться от нее, словно от ненужной, хлопотной обузы.

В этой странной, скандальной ситуации вдруг оказалось, что ближе него, постороннего человека, у нее и нет никого. Родня загоняет в рамки, из которых она наверняка была бы не прочь вырваться, жених точит об нее кулаки, мачехе лишь бы сплавить... Разве можно оставить ее сейчас одну, беззащитную? Нет. Он будет ее опекать и защищать столько, сколько понадобится.

— Аня, — так же твердо ответил он, — я обещаю тебе, я клянусь — не обижу. Пальцем не трону. Что же я, по-твоему, скотина?

— Похотливая скотина, — поправила Анька. — Да.

— Аня, я тоже человек, — повысив голос, продолжил Лассе. — Я тебе клянусь твоей Мишкой — не обижу я твою племянницу. Ты сама сказала — она человек, а не вещь. Пусть сама выберет, что ей делать, куда идти. Пока она со мной. Остынет, скажет везти к жениху — увезу. Среди ночи увезу. Но сейчас, когда она против — нет. Извини.

— Ну, ладно, — Анька внезапно остыла, было слышно, как она трет лоб, наверняка зажмуривав уставшие глаза. — Только смотри мне — головой отвечаешь за нее!

— Договорились, — легко согласился Лассе. — Отвезу ее домой. Можешь явиться позже, провести ее. Ань, сейчас правда не время ее воспитывать. Она напугана и плачет. Это же девочка. Совсем маленькая.

— Когда за ляжки ее хватал, ты так не думал, — сварливо заметила Анька.

— Мы танцевали. И куда бы я ее не хватал, я не хотел ее обидеть, — парировал Лассе. — И уж тем более — не хочу ее бить или оставить наедине с тем, кто может ударить. Он ударил ее?

Анька промолчала, и Лассе дал отбой, чувствуя себя победителем в этом споре. Вот и чудно.

Лера уже не плакала. Она сидела, устало откинувшись на сидение, отвернувшись от Лассе, и ему, глянувшему на нее, показалось, что она смирилась, заранее смирилась и с его предательством.

Ей некуда было бежать — только поэтому она осталась на месте. Но сомнений в том, что он выдал ее, отдал обратно Фреду и строгой Аньке, у нее не было.

От этой тихой, молчаливой обреченности, защемило сердце, и Лассе поспешил завести мотор, чтобы уничтожить эту горькую до боли паузу.

— Куда? — вместо тысячи вопросов и правильны слов поинтересовался он, кинув взгляд на свою пассажирку через зеркало заднего вида. — Я сказал Ане, что ты со мной.

Услышав его слова, Лера вздрогнула, словно отходя от долгого сна, приподнялась на сидении, недоверчиво глянула на мужчину.

— Она разрешила? — с недоверием спросила Лера. Лассе кивнул:

— Говорю же, да. Я отвезу тебя домой, скажи только куда.

— Нет, нет, не домой! — забеспокоилась Лера, завозившись на месте. Паника накрыла ее с головой, словно ее жених, рыжий Фред, добрался до нее. — Он знает, где я живу, он туда придет! К вам!

Лассе отрицательно качнул головой:

— Ко мне — это плохой вариант. К тебе.

— Нет!

—... и я останусь у тебя до утра, если хочешь. Покараулю, чтоб никто не потревожил тебя. Утром позовешь Аню. Может, она ночью придет, проверить тебя. Не бойся, — он обернулся, глянув в ее зареванное напуганное личико. — Я смогу тебя защитить. Ничего не бойся.

Глава 6. Ночь

Мачеха Леру не баловала.

Мало того, что квартира, которую себе девушка снимала, почти на окраине, так она была еще и очень маленькой, простой, темноватой.

Раздеваясь в полутемной прихожей, Лассе осматривался и усмехался про себя.

Из всех благ у девушки были только наряды, привезенные с собой из-за океана.

Интересно, Анька знает, в каком клоповнике живет ее племянница? У Миши нигде не жмет, что его родственница влачит полунищее существование? Вроде как его племянник был не самый бедный человек в этом мире...

Однако, самой Лере он ничего не сказал. Не хватало еще ее уязвить, указав, что ее дом — просто дыра, добив ее этим.

— Иди, умойся, переоденься, — скомандовал Лассе, — а я сварю кофе. Есть у тебя кофе, или ты его не пьешь? — мастерски обходя неудобный вопрос «хватает ли тебе на кофе», спросил Лассе.

Лера лишь кивнула, стаскивая с волос неуместно яркое украшение.

— Отлично, — преувеличенно бодро произнес Лассе. — Тебе надо согреться и успокоиться. Все будет хорошо!

Лера, шмыгая носом, ускользнула в темноту квартиры.

Где-то там, за закрытыми дверями, раздались ее заглушенные рыдания, плеск воды.

Лассе очень хотел последовать за ней, обнять ее, заставить высказать свое горе, свою обиду, но он сдержался, услышав, как хлопнула дверь — возможно, в спальню, в тайное убежище, в норку, где Лера пряталась ото всех.

Кофе вскипел шапкой, мужчина убрал его с плиты, перелил в чашку, прислушался. В крохотной квартирке царила тишина, словно никого, кроме него, не было. Собственное дыхание казалось ему шумным, и он затаил его, стараясь уловить хоть звук.

— Лера?

Девушка не отозвалась.

Где-то послышалась шумная быстрая возня, словно она пряталась в постели, натягивая на голову одеяло, закрываясь подушкой, чтобы не было слышно ни вздоха, ни всхлипа, и все смолкло.

Лассе остался один наедине с чашкой свежесваренного, никому не нужного кофе.

Судя по всему, Анька еще не спала.

Ее контакты светились зеленым, и Лассе сфотографировал и отослал ей крохотную темную кухню квартиры, где жила Лера, большую комнату со старым диваном и допотопным телевизором.

«Здесь она живет», — лаконично пояснил он.

Подумал еще и добавил рядок вопросительных знаков, как символов того множества вопросов, которые он задавал себе и которые хотел задать Аньке.

Ответа от нее ждать не стал, как и Леры, которой, как он подумал, нужно время — прийти в себя, выплакаться и успокоиться.

В большой комнате он разделся, стащил шелковую рубашку, в которой было ужасно некомфортно, словно в сетях, в темноте отыскал в старом скрипучем шкафу простыни, пахнущие недорогим порошком.

Ночная тишина, расцвеченная яркими огнями рекламы, была таинственной, похрустывающей свежим чужим бельем, полной какого-то предвкушения.

Старый диван под его телом ворчал и скрипел, но был удобным, мягким, и Лассе, хоть и прислушивался к малейшему шороху, выключился почти мгновенно, несмотря на то что в сонной тишине плавал аромат свежего кофе.

Он проспал совсем немного; когда осторожная рука коснулась его, и он вздрогнул, просыпаясь, в тишине все еще плавал манящий кофейный аромат.

— Что?! — он едва не подскочил, едва соображая, где он, кто с ним. Он привстал, крепко сжимая обнимающие его бедра, и только тогда сообразил, что лицом к лицу очутился с Лерой. — Что-то случилось?! Тебе звонили? В дверь стучали?!

В полутьме было видно только как ее глаза блестят в свете огней, пробивающихся сквозь жидкий старый тюль.

Спросонья Лассе и не сразу понял, что запустил руки ей под юбку и тискает ее бедра — голые, — и лишь потом сообразил, что девчонка разделась в лучших традициях невинных и порочных Лолит.

На ногах ее были надеты черные чулки, на теле — какая-то невообразимо короткая вещица, вся в рюшечках и кружавчиках, но при этом открывающая и грудь, и плечи, и руки, и спину.

Лассе захотел натянуть одеяло до подбородка, уловив, как эта прелестница, оседлавшая его во сне, рассматривает его, едва уловимо касаясь его обнаженной груди, его живота своими прозрачными, словно фарфоровыми пальцами.

— Это у вас форма в универе такая, — попытался пошутить он, он голос его предательски хрипнул. Он все еще сжимал, стискивал ее бедра, белеющие под неловко задранной юбкой, поглаживал их выше резинок черных чулок, но когда Лера потянулась к нему, он отстранился — слишком поспешно, слишком резко, и тотчас же пожалел, потому что девушка тотчас же разрыдалась, содрогаясь всем телом, устыдившись своего неумелого, неловкого соблазнения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.